

ЗНАКОВЫЙ ДИАПАЗОН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ НАУКИ

Интертекстуальность признана фундаментальным принципом любого научного дискурса, независимо от его предметной составляющей. Более того, метафорическое применение этого принципа (полистилистика как цитатный принцип) рассматривается как константное свойство отдельных сфер современного искусства и даже типов культуры¹. Это стало возможным благодаря тому, что понятие «текст» определяется в системах знаков различных материальных носителей. Осознание текста как целостного знакового образования на первичной основе традиционных лингвистических единиц выявило необходимость разработки вторичных кодовых систем и признание роли когнитивного контекста и социокультурной функции текста-дискурса. Проявление интертекстуальности, несомненно, отражает все факторы, определяющие знаковую природу дискурса науки, определяемого как «модель речемыслительной деятельности в последовательности формирования научного знания, его развития и обоснования»². Однако предметная область исследовательской ситуации в той или иной профессиональной сфере влияет на порядок внедрения принципа интертекстуальности в процедуру и структуру текстообразования. Наблюдения над этим феноменом в ходе дискурсного анализа отдельного исторического нарратива выявили следующие зависимости.

1. Новое знание осознаётся и формируется относительно известного, что является предусловием включения когнитивного контекста памяти прошедших исследовательских практик. Согласно лингво-прагматической теории текста, наш когнитивный опыт структурирован, сохраняясь в форме сценариев, или фреймов, пережитых ситуаций³. В особенности, если объект изучения представляет собой типовую ситуацию действительности или событие как предмет описания в большом количестве тематически общих текстов, исходный сценарий определяет стратегию развёртывания дискурса как нового семантически изоморфного сценария с внедрением интертекс-

тов на разных структурных уровнях развития и обоснования нового знания.

Анализируемая книга Сары Бэдкок⁴ — пример исследовательского проекта на тему революции. Она посвящена драматическому моменту в истории России — периоду перехода от монархического режима к демократическому устройству по версии умеренно- и либерально-демократической элиты февраля 1917 г. Традиция реконструкции событий этого периода обобщена автором в названии «главствующий нарратив о революции» («grand narrative of revolution»), идеологией которого является представление партийной элиты (political elite, далее PE) как доминирующего игрока на сцене политических действий. Новый сценарий строится в опровержение традиционной идеологии:

...clear adherence to party ideology was lost;

изменением состава действующих лиц:

the role of party politics in 1917 needs to be recast; the political parties lost the battle to maintain hegemony over ordinary Russians (ordinary people [далее ОР. — Л. С., С. Д.]) [p. 86],

новой расстановкой сил:

redefined power relations and party loyalty, enlarged the boundaries of behavior defined as political [p. 238].

Сценарий и его компоненты составляют концептуальную базу дискурса. Текстуально это — код концептуального (смыслового) «регистра» (по Ю. М. Лотману)⁵, относительно которого будут определяться значимости в других «регистрах». **Интертекстуальность, соотносённая с уровнем этого регистра, обладает, таким образом, наиболее широким диапазоном знаковости**⁶, так как включена в наиболее ёмкий, концептуальный «резервуар» текстовой информации, варьируясь лишь в зависимости от вклада основных разделов в содержание целого текста.

В линеаризации плана содержания на глобальном уровне концептуальный регистр маркирован как «опоясывающий» континуум вводно-закрывающего обрамления глав, содержимое которых интегрировано в соотносении «Введения» и «Заключения» монографии в це-

лом. Маркированность «опоясывающего» горизонта по главам несёт и прагматическую (перцептуальную) функцию: руководит читателем в процессе восприятия текста (что часто называют навигацией по информационному полю).

This chapter [2] will tackle the ways in which the PE sought to control and define understandings of the February revolution [p. 30].

[Ch. 3.] In order to understand the role of political parties PE, we must try to establish how OP related to PE [p. 56].

This chapter [4] will develop our understanding of the grounds on which elected leaders were selected, who they were and the multiple pressures that they faced [p. 87].

This chapter [5] looks at the methods used by the PE to communicate with **OP** and offers some explanations for the problems they faced [p. 123].

This chapter [6] explores the role played by soldiers and their wives. While chapter 4 has shown that soldiers played an important role as local leaders and administrators, this chapter will highlight their more pernicious implications [p. 145–146].

This chapter [7] explores the practical political interactions both among local power structures, and between peasants and government, and reveals the irregularity of power and authority structures at all levels... [p. 181]. [NB: См. анализ главы ниже. — Л. С., С. Д.].

This chapter [8] explores the mechanics of (economic) crisis at grass-roots level, and in doing so exposes some of its peculiarities more clearly [p. 211].

Приведённые фрагменты вводных частей восьми глав являются знаками переключения регистра идеологем (концептуальной базы) сценария на традиционную для историков схему повествовательную — нарратив. Концепты сценария переводятся в тематические блоки глав, где принимают форму тезиса, подлежащего раскрытию, или утверждения, которое надлежит обосновать.

2. Контекст памяти о прошедших исследовательских практиках воздействует на формирование нового знания и конвенциональным «синтаксисом» облачения семантики когнитивного контекста. Таким является формат «исторического нарратива», который этимологически восходит к модели «поясняющего рассказа», где смысл исторического события возникает в контексте рассказа о событии, имманентно связанного с интерпретацией⁷. В синтагматике каждой из восьми глав книги узнаваемы категории традиционной схемы рассказа (ОРИЕНТАЦИЯ, ОСЛОЖНЕНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ, ОЦЕНКА, КОДА)

на глобальном уровне плана содержания, что придаёт главам завершённую форму эпизодов-действий единого сюжета-сценария. Однако, представляя модус научного дискурса, автор исторического нарратива подчиняется профессиональным требованиям предъявления предмета изучения, процедур обработки источников и правил обоснования выводов⁸. В связи с этим реконструкция исторического события в форме описания сопровождается:

- 1) обоснованием его (описания) как факта доказательной базы;
- 2) объяснением его (факта) релевантности по отношению к формируемому знанию;
- 3) подтверждением критерия новизны последнего, включая режимы наррации в диалогическое измерение дискурса, напрямую связанное с интертекстуальностью.

2.1. Специально выделенный фрагмент известного знания «историография» (то же — история исследования) — один из способов интертекстуального согласования проекта с предшествующими работами по сходной области исследования, одновременно и вид имплицитного взаимодействия с их авторами по выбранной теме и предусловие постановки новой научной задачи. В книге Сары Бэдкок такой фрагмент находим во вводной части главы 7. Отмечая малочисленность работ, посвящённых собственно земельному вопросу, автор оценивает немногие советские работы, в которых не находит связи со своим подходом из-за их идеологической направленности (определения разногласий в крестьянской среде классовыми), отсутствия значимого анализа региональных условий землепользования. Более растущее внимание к изучению регионов отмечает автор в западной историографии по крестьянскому вопросу в России изучаемого периода, однако, оценивая труд ряда авторов как существенный вклад в данную область, приводит лишь пространственно-хронологические параметры изученных революционных событий с участием крестьян.

Заключением к обзору (вывод):

In order to understand land relations and peasant behavior in 1917, we need to be aware of regional diversity of both landholding and land interests [p.183]

автор готовит читателя к тому, что развёртывание нарратива далее направлено на решение новой задачи. Она продиктована несогласием с позицией авторов одной группы работ и, по всей видимости, общей

недостаточностью изученности регионов для раскрытия темы главы (она означена во вступлении к главе: см. выше). При этом историко-графический интертекст, ответственный за постановку этой задачи, наделён меньшим диапазоном знаковости, охватывая нарративную область главы. Хотя по сущностной значимости решение земельного вопроса было фундаментальным противоречием в революционной ситуации (и, соответственно, в конфликте политических актантов сценария), в синтагматике текстообразования данный интертекст обращён к одному из аспектов в аргументной перспективе серии тематических блоков (глав) дискурса-проекта Сары Бэдкок, который назовём основным дискурсом.

3. Основной дискурс — это «master narrative of revolution» в соотнесении с двумя другими нарративными формами дискурса: главенствующий нарратив («grand narrative of revolution») и доказательным алгоритмом нарратива включённых дискурсов — «1917' popular revolutionary discourse» [p. 146] (варианты: «grass-roots' perspectives of the revolution» [p. 183], «peasant revolutionary discourse» [p. 184]). Включённые дискурсы у историка имманентно интертекстуальны в отношении к текстам первичных источников (таким как архивные документы), тогда как описанные выше случаи имплицитного взаимодействия в профессиональном социуме относятся к открытому цитированию вторичных (литературных) источников.

Как концепты сценария подвергаются перекодировке преобразования в тематические блоки глав, где принимают форму тезиса (новой задачи), так и раскрытие тезиса (решение задачи) связано с перекодировкой, новой ступенью «смены регистра». Согласование значимостей высказываний (тезисов) и развёрнутых текстовых фрагментов (обоснования) в нарративе, содержащем включённый дискурс, отвечает сущности закона «диапазона знаковости» в семиотическом разделе прагматики. Он состоит в том, что «одна знаковая система может быть противопоставлена другой так, как мы противопоставляем материальное и идеальное», различающиеся объёмом вербализованной информации⁹.

3.1. Включённый дискурс — это реальный дискурс периода восьми месяцев 1917 г. в Российском Поволжье, представленный во всех параметрах лексико-семантической и семантико-грамматической ло-

кализации (А. В. Бондарко), он передаёт многоголосье участников множества разнообразных ситуаций революционного времени. Этот описательно-пояснительный нарратив в виде прямых цитат из документов и пересказанных автором данных с отсылкой на более чем сотню первичных источников демонстрирует повествовательный дизайн речевого воплощения доказательной базы дискурса. При этом данные по литературным (вторичным) источникам (интертекстуальность основного типа) включены в качестве аргументов, подтверждающих отдельные важные выводы автора. Среди них один касается интерпретации столкновений, упомянутых в историографии:

Other studies have pointed to hierarchies and divisions within peasant communities, though these conflicts were not along class lines),

другой — значимости для крестьян ключевого вопроса в конфликте с властью:

[Alongside with Retish,] we must also recognize that peasant interest in land went deeper than political affiliations, ownership or improved conditions of living; it was closely associated with peasant notion of volia (will or freedom) [p. 186].

Выполняя основную, связующую роль в отношении научных дискурсов, интертекстуальность включает их в континуум научного знания в его поступательном развитии. Будучи включённой в структуру отдельного дискурса, интертекстуальность подчиняется системе знаковых отношений на различных ступенях его текстового (речевого) представления. Основной функциональный срез рассмотренного образца научного дискурса разновидности «исторический нарратив» обнаруживает иерархическое взаимодействие основного дискурса-нарратива с традиционной моделью прецедентных дискурсов, с одной стороны, и с серией включённых дискурсов реального (денотатного) соотношения с отражаемой (реконструируемой) действительностью, с другой. Диапазон знаковости применения интертекстуальности в данном дискурсе согласуется с его структурой.

Примечания

¹ Чинаев В. П. В сторону «новой целостности»: Интертекстуальность — поставангард — постмодернизм в музыкальном искусстве второй половины XX — начала XXI века // Вестн. СПбГУ. Сер. 15: Искусствоведение. 2014 (в печати).

² Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: Стиль. Текст. Дискурс. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 69.

³ Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.

⁴ Vadcocck S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History / University of Nottingham. S. 1.: Cambridge Univ. Press, 2007. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

⁵ Лотман Ю. М. Семиосфера. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 150–389, 434–525.

⁶ Токарев Г. В. Введение в семиотику: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. С. 97.

⁷ Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 453.

⁸ Ван Дейк Т. А. Указ. соч. С. 261.

⁹ Токарев Г. В. Указ. соч. С. 96.